

18+

Каштановая Долина

МИЛА НИКОВА

Мила Никова
Каштановая Долина

«Издательские решения»

Никова М.

Каштановая Долина / М. Никова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-510350-5

Однажды в руки Инги, молодого эксперта-криминалиста, попадают коралловые бусы, которые, по легенде, обладают магической силой проверять глубину любви избранника. Бусы хранят в себе мистические истории, произошедшие в Каштановой Долине. Прекрасное платье, сшитое из слез, загадка исчезновения детей, зелье колдуньи Максы и скитания графа, потерявшего все — тайные тропы к загадкам прошлого открываются перед вами в этом мистическом романе. Итак, мой дорогой читатель, отправляемся в путь...

ISBN 978-5-00-510350-5

© Никова М.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	17
Глава 7	20
Глава 8	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Каштановая Долина

Мила Никова

Корректор Анна Кычакова

Иллюстратор Марина Шатуленко

Главный редактор Анна Баганаева

Редактор Мария Панкевич

© Мила Никова, 2020

© Марина Шатуленко, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-0051-0350-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Встреча и расставание

Отца своего мальчика она любила без оглядки, какой-то страстно-животной любовью, насколько можно применить такие эпитеты к понятию любви, не изменяя ее сущности.

Ее избранник являл собой отпрыск древней фамилии. Не представитель, а именно отпрыск, как последний всплеск многоводной когда-то реки. Представители его рода наследовали и конкистадорами в странах Нового Света, увернувшись от ядовитой стрелы аборигенов, и у стен Бастилии, чудом избежав справедливого броска гильотины, и в русских зимних лесах, где сердобольная крестьянка, закутав в овчинный тулуп, спасла очередного иноземного захватчика. Еще много где можно было бы повстречать их пассионарный пыл, если бы тот не остыл и не осел в одном из фамильных замков на территории современной Европы, хотя автор очень сомневается в идентификации страны, где разворачивается действие его романа.

Так часто бывает: поколения мельчают, и вот уже последние потомки, растеряв былую фамильную доблесть, предстают лишь жалким подобием своих отцов.

Его звали Каркси.

Имя дала бабка – старая графиня, очам которой представили новорожденного. Онаглянула коротким, но внимательным, не потерявшим свою зоркость взглядом на младенца – смешного лягушонка с телом человека – и сказала:

– И все-таки ты человек! Значит, будешь Каркси.

Так уж заведено было в этом семействе, что имя первенцу всегда давала самая старшая женщина из рода мужа.

И хотя молодая мать мечтала назвать своего новорожденного сына Альфредо, он стал обладателем имени Каркси.

Он рос болезненным, капризным и непослушным ребенком, мать не испытывала к нему тех материнских чувств, которые питают детство и формируют личность.

Каркси, чувствуя неприятие себя матерью и словно бунтуя, вырос эпатажным, вызывающим и заносчивым гордецом.

Познав в подростковом возрасте прелести физического влечения и любовных утех, Каркси возвел их на пьедестал, где возлежал сам на ложе героем-любовником. Он метил своим семенем, словно зверь, расширяющий ареал своего обитания.

Волею судьбы на эту территорию забрела и Тома, в надежде получить место горничной в старинном замке.

Когда она беседовала с важным управляющим о тонкостях трудоустройства, мимо прошел молодой хозяин.

Цепким взглядом развратника он в один миг распахнул на девушке все ее одежды, проникся увиденным и тут же получил сигнал вождения:

«Я ее хочу!»

Тома, не распознав того, что произошло, по причине своей неопытности, вдруг залилась вспыхнувшим жаром от макушки до пяток, и, уже не слушая управляющего, соглашалась на все условия.

Ей даже не предоставили права выбора, зверь по имени Каркси овладел ею в первый же вечер знакомства, не тратя время на сантименты, не осыпая комплиментами и цветами. А она, неся в себе уже готовый к встрече природный зов, ответила на его натиск, неожиданно обнаружив в себе неудержимость этого зова.

Страсть накрыла с головой, потопила в своем океане, временами погружая на самое дно и не давая возможности дышать полной грудью. Это было как наваждение, физическое влечение не отпускало из своих штормовых объятий легкое суденышко по имени Тома.

Но однажды это судно выбросило на берег: Тома объявила любовнику о своей беременности.

Тот покачал головой, криво усмехнулся и развел руками, дескать, при чем здесь я? Взгляд по-прежнему цепкий, но равнодушный до тошноты. Через три дня она получила от него конверт с дивидендами – Каркси оценил стоимость страсти и выплатил вознаграждение.

Тома, которая в глубине души надеялась на возможность создания семьи, полноценной, с детскими радостями и воскресными прогулками, ощутила в себе такой упадок сил, словно стала жертвой вампира, выпившего всю ее кровь, но так и не обратившего в свою веру.

Она ушла и поселилась в небольшом городке в Долине. Это было не так далеко от замка, как хотелось бы Томе, но она дала себе твердое слово не искать встречи со своим любовником. Она сняла комнату на мансардном этаже дома, выходящего окнами на городскую площадь, и устроилась помощницей кондитера в булочной, расположенной на первом этаже того самого дома. Жизнь Тома стала спокойной, простой, наполнилась неспешными разговорами с женой пекаря, ароматами корицы, ванили и горячей сдобы. Ее беременность не омрачало обилие запахов, и в положенный срок безо всяких осложнений местная повитуха приняла на свет белокурого младенца.

Лицом малыш походил на своего отца и даже имел такую же выпуклую родинку на ушном козелке, как у родителя. А вот темно-карие, почти черные глаза ему достались от Тома.

Томас, что значит сын Тома, – так назвала она своего мальчика. В книге записей о рождении в городской ратуше напротив имени отца поставила жирный прочерк, тем самым окончательно вычеркнув Каркси из своей жизни. По крайней мере, ей так тогда казалось.

Глава 2

Неприятность в конверте

– Мистер Каркси, мистер Каркси, – слова камердинера внедрились в тяжелый сон хозяина замка. По горному склону катились вниз железные китайские иероглифы. Азиатские знаки, соприкасаясь с поверхностью камней, воспроизводили скрежет вилки по стеклу, и этот звук отдавался в каждой клеточке мозга Каркси.

Звук распространялся по всем трещинам, щелчком отскакивая от барабанных перепонок, вызывал двойное гулкое эхо где-то в районе висков.

Да, голова Каркси трещала по всем швам. Кто бы мог подумать, что несколько бутылок игристого вина вызовут весь этот перезвон в его голове.

Он перевернулся на спину и увидел стоящую в дверях в почтительном поклоне фигуру камердинера. Камердинер был свеж, хрустел крахмалом белоснежной рубашки и практически отражался в отполированных до блеска ботинках.

– Что за торжественность такая? – морщась от посторонних звуков, спросил Каркси. – У нас что, сегодня объявлен бал для прислуги? – эхо забубнило в висках: «Слуги, слуги...»

– Вам срочная депеша, мистер Каркси, – еще один почтительный наклон головы.

– К черту депешу, приготовь мне ванну со льдом, на завтрак – ростбиф с кровью, и воды дай сейчас же.

Каркси, не стесняясь слуги, вытащил свое обнаженное тело из-под мятых простыней и пружинистой походкой вышел на залитую утренним солнцем террасу.

Солнце, хоть и утреннее, но достаточно активное, тут же нацелилось горячим лучом в Каркси и начало подгонять звучащее в голове эхо, перекачивая его от виска к виску.

Каркси заскрипел зубами. Он чувствовал себя препротивно, к тому же к разыгравшейся мигрени подключилось какое-то смутное ощущение надвигающейся неприятности. Камердинер принес ему на подносе запотевший графин с водой и стакан. Каркси, не церемонясь и игнорируя стакан, запрокинул голову и стал жадно пить прямо из графина. Холодная вода обожгла горло и потекла живительным потоком по воспаленному алкоголем пищеводу.

Он прошел в мраморную ванную комнату и нырнул с головой под воду с плавающими кусочками льда. Тысячи колючих иголок вонзились в тело. Это была целая армия, сражающаяся против прыгающих иероглифов, эха, бьющего в ушные перепонки, – против всего похмельного синдрома, напавшего сегодняшним утром на Каркси.

Несколько минут в ледяной воде решили исход поединка.

Завершил победоносную атаку генерал Кровавый Ростбиф – наголо разбил неприятеля, окончательно выгнав его остатки из тела хозяина. Лишь маленькое ощущение грядущей неприятности, затаившись, избежало возмездия.

Посвежевший и повеселевший Каркси вскрыл конверт: неприятность так и запрыгала среди строк, отпечатанных симпатичной секретаршей в конторе нотариуса мистера К.

Он развернул послание.

«Уважаемый мистер Каркси Алерамо!

Этим письмом я вынужден уведомить вас о кончине вашей достопочтенной бабушки – графини Джизеллы Алерамо.

В связи с этим прискорбным событием я приглашаю вас на оглашение завещания, составленного графиней в отношении наследства. А также имею честь вам сообщить о том, что в сейфе моей конторы лежит письмо на ваше имя».

Далее следовали дата, когда нотариус будет рад принять наследника, и перечисление достоинства услуг, кои оказывала контора душеприказчика.

Каркси помрачнел. Зная характер своей бабули – своевольной и взбалмошной старухи, – он вполне мог остаться без состояния.

Впрочем, претендующих на наследство почти не было. Мать после смерти отца Каркси, едва выдержав траурный срок, с облегчением поменяла черное глухое платье на декольтированные наряды, попудрила носик и укатила в Европу на знаменитые балы невест. Там довольно быстро окрутила какого-то престарелого барона, выдав последнему умопомрачительную порцию ласк, от которых барона чуть не разбил паралич, настолько сильной оказалась любовная лихорадка. Все закончилось, как она и хотела – белым платьем, фатой и обручальным кольцом. Каркси поморщился, словно от зубной боли, когда вспомнил весь этот маскарад замужества мамочки.

После отца остались только многочисленные долги, поэтому мамулю свою Каркси очень понимал. Замок, в котором он проживал, принадлежал его деду, но тот, умирая, составил завещание в пользу своей супруги – графини Джизеллы Алерамо. А вот как распорядилась имуществом сумасбродная графиня, Каркси представлял с трудом, а потому вероятность потери замка была вполне реальной.

В назначенный день Каркси нарисовался в конторе нотариуса господина К.

Наметанным глазом развратника погладил округлости встретившей его помощницы. Но та тоже имела некоторый опыт и послужной список любовников, поэтому встретила его взгляд смело, улыбнулась краешком губ и демонстративно отвела глаза. Равнодушно сказала:

– Господин К. ожидает вас в кабинете.

Каркси еще раз пулынул в ее сторону многообещающий взгляд и вошел в кабинет. Там он, демонстрируя, кто хозяин положения, небрежно развалился в кресле напротив нотариуса.

Господин К. – плотно сбитый человек с совершенно лысым гладким черепом имел лицо, изборожденное глубокими морщинами. «Словно завещания на его лице пишут», – подумал Каркси, отметив про себя столь бросающееся в глаза противоречие гладкости черепа и морщинистости лица хозяина кабинета.

Нотариус взглянул на посетителя сквозь стекла очков в тонкой золотой оправе, этакого неброского проявления своего хорошо оплачиваемого занятия и щедрых комиссионных многочисленных клиентов.

– Прежде чем ознакомить вас с завещанием, мистер Каркси, – взгляд нотариуса, увеличенный линзами, вновь устремился на наследника, – я должен исполнить просьбу графа и передать письмо, адресованное вам.

С этими словами он протянул Каркси темно-синий конверт из бархатистой бумаги, на котором красовался серебристый вензель семейства Алерамо.

– Так давайте же, я прочту его немедленно.

Взяв в руки конверт, Каркси вдруг вспомнил себя в детстве, когда он, взобравшись в глубокое кресло, любил сидеть в кабинете деда и наблюдать, как тот пишет письмо – аккуратным каллиграфическим почерком, буква за буквой. Перо слегка поскрипывает, процарапывая дорожку, и она тут же заполняется фиолетовыми чернилами, словно капилляры кровью – голубой кровью благородной семьи. Дед, чопорный господин, писал неспешно, отдаваясь неторопливому процессу излияния своих мыслей на бумагу. Он откидывался в кресле, смотрел поверх головы внука, вовсе не замечая его присутствия, ждал, когда высохнут чернила, а затем из черепаховой коробки доставал те самые синие бархатистые конверты. Вкладывал в него белый сложенный лист и, полив горячим сургучом, который тут же томился на изящной спиртовке, припечатывал оттиск фамильного вензеля.

Все эти мысли и воспоминания пронесли в голове Каркси. Именно конверт, а не смерть бабушки, чуть царапнул сердце и ухнул в темницу памяти, куда Каркси заглядывать совсем не любил и даже бывал очень зол, если слышал из той темницы слабый шепот скелетов.

Глава 3

Загадка коралловых бус

Инга рассматривала содержимое шкатулки и соображала, что в этих вещичках может быть удивительного, как об этом, захлебываясь в эмоциях, вешала ее подруга Марта.

Несколько птичьих перьев, засушенная лапка, вероятно, той самой птицы, и горсть каких-то оранжевых шариков, напоминающих бусины кораллового цвета.

– Инга, это какая-то мистика, я отправлю тебе эти бусины по почте. Нет, почтой нельзя, вдруг потеряют... Ладно, что-нибудь придумаю. Ты обязательно должна разобраться в этой истории, обязательно! Ты слышишь меня? – Марта на том конце провода сдвинула бровки домиком, как она делала всегда, когда ей казалось, что ее не слушают. – Алло, Инга, ты слышишь меня? – домик вознесся высокой крышей в небо. – Алло, Инга... Вся надежда на твои способности. Все подробности я расскажу тебе при встрече...

Окончание фразы оборвалось.

Наверное, снежная лавина сошла и погребла под собой и Марту, и ее звонок... «Тьфу, типун мне на язык, разве так можно думать о подруге?» – Инга засмеялась про себя, представив красный помпон шапки словоохотливой Марты, торчащий из сугроба.

«Марта-Марта... Моя любимая стремительная Марта, опять носишься по склонам Доломитовых гор, подгоняя и одновременно успокаивая свой темперамент? А я уже соскучилась по тебе, мой сплошной ураган мыслей, эмоций, жажды и неиссякаемого оптимизма. С таким запасом не мудрено вызвать шквал снежной бури».

Марта, как и обещала, с первой же оказией отправила шкатулку Инге.

«Ничего примечательного не вижу в этих предметах. Ладно, завтра посмотрю более пристально в лаборатории».

Инга, эксперт-криминалист, закрыла шкатулку и погрузилась в чтение романа Луиса Сепульведы. Сегодня же выходной – а по выходным она читала.

Чай масала, пряный, одновременно мягкий и острый, приятным теплом согревал Ингино горло. Она сидела в индийской кафешке, куталась в слегка колючий шарф и ждала Марту.

Та появилась ураганом, по-другому она просто не умела. Звякнул колокольчик входной двери, отзываясь, подмигнул Ганеша на барной стойке – Марта в белой куртке и озорной шапке с помпоном звонко чмокнула Ингу и плюхнулась на диван, утопая в ворохе подушек.

– Уф, ты не представляешь, как я рада тебя видеть! А что такой кислый вид, чай невкусный?

– Марта, нормальный у меня вид, вечно тебе кажется то, чего нет.

– И ничего не кажется, женщина должна излучать радость, бодрость, красоту и счастье. И полную уверенность, что этого добра у нее навалом, вот как у меня!

Марта стащила шапку и тряхнула своей роскошной копной белокурых волос.

– У тебя, похоже, полный сундук – поделись с подругой?

– Да, пожалуйста, бери сколько хочешь – мне не жалко!

И правда, от Марты веяло таким жизнерадостным теплом, что Инга, получив порцию, освободилась от шарфа и расправила плечи.

– Вот так-то лучше, подруга, – Марта одобритительно кивнула. – Можно рассказывать?

– Давай, выкладывай.

– Короче, Нонна... Ты знаешь Нонку? Ну такая блондинка крашенная, на силиконе вся, ее опять очередной мужик бросил, не знаешь? Ладно – неважно. Мы с ней встретились как-то – то да се, про мужиков заговорили, а она мне рассказывает, что начала ходить к одной типа психологине или гадалке, кто их разберет нынче. И та ей говорит, что у нее есть еще одна

знакомая гадалка, а у той, в свою очередь, имеется средство, которое без ошибки указывает, верный мужик тебе попался или так – рыбак очередной.

– Марта, не смей меня, что за средство такое?

– Так я ж тебе отравила, ты что, не проверила еще? – Марта округлила глаза.

– Ты имеешь в виду бусы или перья?

– Бусы, конечно! Тебе дальше рассказывать?

– Слушаю внимательно, – Инга рассмеялась, она любила слушать Мартовские истории.

Та, имея богатое воображение, живописала всегда объемно и красочно.

– За Нонкой долго ухаживал один мужичок, она его ухаживания принимала, но все ей казалось, что принц на белом коне, ее принц, скачет другими дорогами и никак до Нонки не доскачет. А этот товарищ ей принцем не казался, внешность у него некоролевская, и вообще. Но как мужа и отца будущим детям вполне на себя примеряла. Короче говоря, металась Нонна, вот и пошла к этой гадалке. Денег ей заплатила, приличную сумму, между прочим, и та уже свела ее со своей гадалкой, ну, у которой средство. А вот та уже дала Нонке те самые бусы и перья зачем-то в придачу, сказала, без перьев бусы на действуют.

А суть там в следующем: нужно дать своему избраннику бусинку в руки, и если тебе настоящий мужик попался, прямо вот твой-твой, то бусина в ладошке растворится.

И представляешь, у Нонкиного ухажера бусина растаяла и бесследно под кожу впиталась.

– Так, может быть, она в любых руках от температуры тает? – выразила сомнение Инга.

– Так Нонна проверила на своем запасном варианте! Ты знаешь, у нее же всегда кто-нибудь про запас имеется. Не тает!

– И ты тоже побывала у гадалки? – Инга взглянула на подругу.

– Побывала, – согласно кивнула Марта. – Иначе откуда у меня бусины, которые я тебе отравила? Инга, ты бы видела ту гадалку, настоящая колдунья, как из сказки. Ей лет сто, никак не меньше. Жуть просто. Страху я натерпелась, не передать словами. Но что не сделаешь ради личного счастья.

– И что ты хочешь от меня? – Инга напустила на себя строгий вид.

– Посмотри, пожалуйста, что это такое? Ты ведь меня знаешь, я не люблю, когда чего-то не понимаю.

– А гадалок ты понимаешь? – Ингу всегда умиляло это умение Марты соединить эзотерику и материализм.

– Ну... немного да!

Марта снова откинулась на диване и зарылась в подушки.

– Посмотришь?

– Гляну, гляну, с основной работой разберусь и посмотрю твои волшебные бусы. Но тебе-то это зачем? Ты же и так пыщешь довольным счастьем?

– Пышу-то пышу, да замуж однако хочется.

– Это в который же раз, Марточка?

– В четвертый... – вздохнула Марта. – Тебе хорошо, ты такая самодостаточная, а мне, пышущей, никак одной невозможно-с. Я должна все тепло в семью отдавать. Но хотелось бы взаимности. Вот и хочу Карла на бусине проверить.

– Карла? – Инга удивленно вздернула брови. – У тебя же вроде Борис был, насколько я помню?

– Был да сплыл, – вздохнула Марта. – А про Карла я еще не успела тебе рассказать, но на этот раз, уверяю тебя, все очень серьезно.

– Марта, ты совсем как Нонна, про которую мне рассказываешь.

– Вот еще! – фыркнула Марта. – Я и некрашенная вовсе, и все у меня природно-естественное, так сказать, не поруганная скальпелем красота. Просто мне с мужиками не везет!

Глава 4

Говорящая птица

Тома с маленьким сыном продолжала жить в городке. Добрая жена пекаря имела к ней расположение, а узнав, что Томе решительно не на кого опереться в своей жизни, прониклась к ней еще более.

Когда Томас немного подрос, она предложила Томе работу в пекарне, решив посвятить девушку Тому во все тонкости и секрет своего кондитерского и хлебопекарного искусства. И Тома сразу показала себя с самой лучшей стороны. Пекарша души не чаяла в своей сноровистой и понятливой ученице. Все у Тома получалось легко: и пышный белый хлеб, и сдобные улитки с маком и кунжутом, и ароматные леденцовые петушки.

А уж про яблочный штрудель и говорить нечего: не успевала пекарня отработать и полчаса, как штруделей в продаже уже не бывало.

Одним словом, тетушка Чина была очень довольна. Тем более, что Тома довольствовалась своим жалованьем и большего у пекарши не просила.

В такой тихой и неторопливой жизни прошло почти пять лет. Томас рос послушным и спокойным мальчиком. «Характер явно не отцовский», – думала Тома, глядя, как малыш часами разглядывает мух, залетевших в открытое окно, или паука, спускающегося на своей длинной нитке.

– Мама, купи мне птицу, – попросил он однажды.

– Птицу? – удивилась Тома. – Какую птицу?

– Говорящую, серую такую, с ярким хохолком вот здесь, – и Томас коснулся своей макушки, показывая, где должен располагаться этот самый хохолок.

– Но где же я возьму такую птицу? – спросила Тома.

– Она стала бы мне другом, – задумчиво произнес Томас. И тут же встрепенулся: – А отец может подарить мне такую птицу?

– Отец? Какой отец? – снова опешила Тома.

– Ну да, он же погиб, я совсем забыл. Извини, мама – и Томас уткнулся в ее колени.

С того времени Тома и думать больше ни о чем не могла, только о птице. Она сходила на птичий базар, расспросила местных мальчишек-птицеловов, но такой птицы никто не знал. Все лишь недоуменно пожимали плечами и предлагали купить черную умную галку, заливи-стого кенаря и даже африканского попугая. Но только не серую с хохолком говорящую птицу.

Тома уже совсем отчаялась найти такую и уговаривала Томаса на лесного дрозда, но мальчик упрямо крутил головой и настаивал на своем. «Уж не отцовский ли характер в нем начал проявляться?» – подумала про себя Тома.

И однажды, когда она по просьбе тетушки Чины отправилась закупать орехи для сдобного печенья, Тома увидела ту самую птицу.

Серая некрупная птица с алым хохолком, что украшала ее миниатюрную головку, сидела на изгороди и косила агатовым глазом на кур, что копались в придорожной пыли, выискивая что-то там своими чумазыми клювами. И вдруг Тома явно услышала, или ей все-таки показалось, как слегка трескучий голос произнес:

– Ну что за манер-р-ры? Ковыр-р-ряться в пыли... фу, какая пошлость.

Тома обернулась в поисках голоса, но поблизости никого не было, только птица и куры...

Томе была абсурдна сама ситуация, но тем не менее она подошла к изгороди и сказала, обращаясь к птице:

– Простите, вы умеете разговаривать?

Птица уставилась на нее своим агатовым глазом и сделала вид, что не понимает Тому.

– Не могли бы вы стать другом одному маленькому мальчику? – снова спросила Тома.

Птица переместилась по изгороди, покрутила маленькой головкой, приводя в движение свой красивый хохолок:

– Др-р-ругом? Нет, – вдруг ответила она и снова устремила на Тома свой блестящий агатовый глаз: – Подр-р-ружкой...

– Что, простите? Я не расслышала, – переспросила Тома.

– Я девочка, – сказала птица, – поэтому могу стать только подр-р-ружкой мальчику.

– Это я и имела в виду, – обрадовалась Тома, – пойдете? Полетимте... – запуталась она в словах. И засмеялась от того, что разыскала для сына птицу.

– Позвольте пр-р-редставиться: Чаколита, для своих просто Чака, – застрекотала птица и, снявшись с изгороди и сделав круг над ничего не подозревающими курами, уселась на Томино плечо. Так они и отправились домой.

Томас от вида Чаки пришел в неописуемый восторг, он прыгал на месте, смеялся и хлопал в ладоши.

– Мамочка, да ведь это та самая птица, про которую я тебе говорил. Я же говорил, говорил тебе, что есть такая птица на свете. Я даже знаю, как ее зовут.

– И как же? – спросила Тома.

– Мою птицу зовут Чака, ведь так? – Томас искал глазами пернатую подружку. Та с самым независимым видом сидела на высокой спинке кровати и чистила свои перышки.

– А где я буду спать? Мне нужен отдельный домик с жер-р-рдочкой и плотными штор-р-рами, я люблю засыпать в абсолютной темноте, – заявила она.

Томас снова захлопал в ладоши и пообещал, что завтра собственноручно изготовит ей такой домик, а сегодня рад уступить ей свою подушку и одеяло, только чтобы ей было комфортно.

Чака великодушно махнула своим хохолком, дескать, согласна.

Но Томасу, конечно, долго не спалось в эту ночь. Он приоткрывал глаза и смотрел на спящую Чаку. А та спала на подушке, совсем как ребенок, поджав лапки и положив под голову правое крыло.

– Чака... – благоговейно шептал Томас и легонько, одним пальчиком, дотрагивался до ее алого хохолка.

Вскоре сон одолел его, и он уснул. Ему снилась Чака. Только она была совсем не такой маленькой, а огромной и могучей птицей. Посадив Томаса к себе на спину, она взлетала высоко-высоко, и он видел под собой заросшие лесами высокие горы, а внизу, в ущелье, – оранжевую реку. Чака пикировала вниз, до самой реки, у Томаса захватывало дыхание, и он уже видел, что это вовсе не река, а связка коралловых бус, которую кто-то уронил в ущелье. Томас тянется рукой, чтобы схватить нитку бус, но Чака взмывает вверх и уносит его далеко за перевал, где цветут маковые поля. Томас идет среди полей и слышит мамин голос: «Томас, Томас, мальчик мой, вернись...», – но им овладевает такая сонливая усталость, что он опускается на землю и трясется среди трепещущих маковых цветов...

Глава 5

Письмо из прошлого

Каркси развернул письмо. Перед его глазами побежали аккуратные строки, написанные твердой рукой старого графа Алерамо.

«Каркси!

Я написал тебе это письмо, дабы приоткрыть завесу тайны, что окружает тебя.

Если ты читаешь его, значит, графиня Алерамо соизволила удалиться в мир иной и оставила распоряжения насчет наследства. Согласно моему решению, на твою долю наложено ограничение.

Я вынужден был так поступить в целях сохранения и восстановления имени, да и не только ради имени, но продолжения рода семейства Алерамо.

Я должен признаться тебе, что тоже приложил руку к тому, что происходит с нашим родом. Но я не нашел в себе мужества исправить эту ситуацию, даже не осознавал до конца, что может случиться, и поэтому я не предпринял никаких действий, а лишь возложил на тебя исправление всех моих ошибок.

Я знаю, что ты тоже начал свой путь в роли безнравственного человека, который не способен любить. И я не могу осуждать тебя за это, я сам был таким, вел праздную и необременительную жизнь, пока не встретил женщину, которая околдовала меня. Я прогнал ее со двора, тем самым вызвав ее проклятие, и теперь ты, мой мальчик, должен с этим справиться. Иначе месть этой женщины положит конец всему нашему древнему роду.

Я знаю, что ты справишься с задачей, выполнишь миссию, которую я возлагаю на тебя.

Боюсь, что еще больше запутал тебя, но совсем скоро ты все узнаешь.

Я могу лишь сказать, что верю в тебя, и эта вера дарит мне надежду на возрождение рода Алерамо...»

Письмо резко оборвалось, а внизу – неразборчивая строчка, в которой явно содержалось что-то важное...

– И что это за тайна? Я ничего не понял, кроме того, что, оказывается, это по милости старика, а не бабули, лишен возможности нормальной жизни! Что за фокусы? О какой такой миссии идет речь? Тоже мне, нашли миссионера.

Каркси швырнул письмо на стол нотариуса:

– Что это?

– Не могу знать, уважаемый мистер Каркси. Содержание письма мне неизвестно.

– Ах да, – спохватился Каркси, взял письмо и вложил его обратно в конверт. – Так что там с завещанием?

Нотариус взглянул на Каркси с профессиональной невозмутимостью и приступил к оглашению семейного документа.

Он зачитывал, не отрываясь от текста и не поднимая глаз на Каркси. А если бы он взглянул на него, то увидел, как лицо Каркси наливалось злостью.

По завещанию, составленному графиней, наследников оказалось двое – Каркси и его мать. Невестке, с которой графиня не поддерживала никаких контактов после неожиданной смерти своего сына, отошла квартира в одной из европейских столиц с видом на главную ее достопримечательность.

Остальное же состояние, описание которого заняло большую часть завещания, переходило к Каркси Алерамо, но только при выполнении им условия, указанного в письме.

Нотариус оторвался от чтения завещания и взглянул на Каркси:

– Надеюсь, выполнение условия не составит для вас большого труда?

– Надеюсь, не составит, – пробормотал Каркси и покинул нотариальную контору.

Через полгода, когда он заглянул в банк по поводу прояснений некоторых финансовых вопросов, вежливый до тошноты служащий объявил, что его счета законсервированы до особых указаний.

– Чьих указаний? – взревел Каркси. – Я владелец счетов и могу распоряжаться ими по своему разумению.

– Сожалею, мистер Каркси, но я имею определенные инструкции по данному вопросу.

И снова тошнотворная улыбка, которую хотелось размазать в кровавый студень.

Каркси представил свой кулак, забрызганный этим студнем, и брезгливо поморщился:

– Проводите меня к управляющему.

Но управляющий, обладатель точно такого же выражения лица, только развел руками:

– Увы, мистер Каркси, обременения существуют, и они будут сняты только по указанию основного распорядителя.

– Какого распорядителя?! – заорал Каркси. – Не хотите ли вы мне сказать, что моя бабка явится с того света давать инструкции?

– Мистер Каркси, я сожалею, но ничем не могу вам помочь.

Глава 6

Карнавал

Люди в Долине ждали лета, а оно все не приходило.

Наступил апрель. Всего пару теплых дней постояло в местечке, а потом апрель обратился в осенний октябрь. Черемуха, обрадовавшись короткому теплу, вознамерилась было цвести, выпустила свои пахучие бутоны, да так и замерла от неожиданного холода. Постояла в недоумении и осыпалась стеклянными лепестками.

Затем пришел такой же неприветливый май, и люди в Долине сказали:

– Да, так бывает: погода в мае неустойчивая. Подождем июня.

Сирень, приготовившись тоже цвести, со страхом поглядывала на обнаженную черемуху, но с надеждой думала: «Мой месяц придет теплым и приветливым».

Но июнь, словно узник, пришел в сопровождении тюремщиков – холодного северного ветра и низкого угрюмого неба.

Тучи, тоже стражники, встали тяжелым свинцом и не пропустили ни единого солнечного луча. Сирень вздохнула и не стала рисковать, припрятала подальше цветочные почки. «До следующего лета», – подумала она.

В один из таких тоскливых дней, когда даже яблочный штрудель никто не хотел покупать, в городке объявился передвижной цирк шапито. Он раскинул свой огромный полосатый шатер на единственной площади городка, как раз под окнами Томиной мансарды. Представление было назначено лишь на следующий день, а сегодня устроители предложили жителям пройти карнавальным шествием по приунывшим от холода улицам.

– Прогоним хандру, запустим веселье! – кричал клоун с нарисованной улыбкой, протянутой белой краской от уха к уху. – Встряхнем этот сонный городишко! – вопил он и ходил по узким улочкам, стучал в двери и затворенные ставни своим длинным посохом, на котором позвякивали колокольчики.

– Карнавал, карнавал! Все пожалуйста на карнавал! – не унимался разукрашенный глашатай.

И городской люд отозвался на приглашение. Жители открывали сундуки и извлекали из них карнавные костюмы: парики и накладные бороды, венецианские маски и страусиные боа, атласные юбки и бархатные шаровары.

Сонный городишко и правда проснулся, и вот уже захлопали раскрываемые ставни, и соседки кричали друг другу:

– Дорогуша, нет ли у тебя корсета на китовом усу?

– А не одолжишь ли ты мне шляпу? Ну да, именно ту – желтую в горошек?

– Боже, чем это пахнет?

– Это горит под утюгом твоя рубашка...

– Горим!

Чака сидела на своем любимом месте, на высокой спинке кровати, и отчаянно крутила своей миниатюрной головкой. Ее алый хохолок развевался из стороны в сторону:

– Кар-р-р-навал, кар-р-р-навал, – стрекотала она, – все на кар-р-р-навал.

Тома, поддавшись наступающему безумию, тоже захотела принять участие в шествии. Она выпросила у тетушки Чины атласной материи и на скорую руку сшила себе платье с широким подолом и узким лифом. Томасу общими усилиями смастерили остроконечную шляпу звездочета и длинный плащ из куска материи, что осталась от платья. Даже Чаке Тома соорудила маленькую юбочку, которую, к вящему птичьему удовольствию, надели на говорящую птаху.

– Все в сборе? – спросила Тома.

Она накинула на плечи бархатную пелеринку, также пожертвованную ей пекаршей, и повязала свои густые волосы широкой лентой.

Томасу под плащ надела пальтишко и укутала шею мальчика клетчатый шарфом.

– Мальчик-звездочет с говорящей птицей! – весело сказала Тома, чмокнула сына в щеку и выпуклую родинку на ушном козелке.

– Мама, щекотно... – Томас поднял плечо, прикрывая свое ухо и смеясь ей в ответ.

Когда они вышли на площадь, она вся уже была заполонена нарядными горожанами и артистами цирка.

Ходулисты и велосипедисты, жонглеры и глотатели шпага, пожиратели огня и воздушные гимнасты... Все смешались в этой пестрой толпе

Тома крепче ухватила руку Томаса:

– Пожалуйста, всегда держись за меня, хорошо, малыш?

Томас не ответил, он вертел своей головой в остроконечной шляпе, восторженно глядя на разноцветную карнавальную толпу.

На разные лады играли музыканты, пели скрипки и флейты, и тут раздалось «Бум-бум-бум...» – это ударили в большой городской барабан, и звуки его отзывались где-то внизу живота.

Фокусник в черном сюртуке доставал из своего цилиндра белых маленьких кроликов, и те, разбегаясь, удирали в разные стороны, будто нашкодившие дети, высоко задирая задние лапы.

Клоун с нарисованной улыбкой кривлялся и протягивал детям воздушные шары, и Томас тоже взял один – небесно-голубой, совсем как небо, которое вдруг показалось в просвете меж серых туч.

– Милая, подойди ко мне, – услышала Тома и оглянулась на зов: старуха, вся в черном, протягивала к ней руки, увешанные браслетами и цветными шнурками. – Тебя зову, подойди, не бойся. У меня есть талисман для твоего мальчика.

И старуха протянула ей темно-синий шнурок, на конце которого болтался маленький узелок.

– Всего одна монетка за волшебную бусину. Только для твоего мальчика, сына Томаса...

Тома, как заговоренная, достала монету и протянула ее старухе, та отдала ей самодельный кулон:

– Надень на своего сына, Тома. Это оберег для твоего малыша.

Тома взяла талисман и протянула руку, чтобы взять руку Томаса в свою. Но рука хватала лишь пустое пространство.

– Томас! – крикнула она и оглянулась, вокруг шумело и веселилось карнавальное море, но Томаса рядом не было.

– Томас... – снова закричала Тома и хотела поглядеть на старуху, но той уже и след простыл.

– Томас... – опять кричала Тома, вглядываясь в толпу и выискивая остроконечную шляпу маленького звездочета.

– Чака! – что есть силы крикнула Тома, но ее крик растворился среди звуков оркестра...

Тома разжала ладонь, в ней лежал шнурок с маленьким узелком на конце. Она развязала узел, оттуда что-то выпало и покатилося. Тома наклонилась и подняла с мостовой крупную коралловую бусину...

А карнавальная ночь продолжалась, люди слишком соскучились по празднику.

Томаса искали несколько дней по всей округе силами полиции и местных жителей. Развешанные по всем селениям объявления о розыске не принесли результатов ни через месяц,

ни через год... Никто из жителей не встречал на своем пути маленького мальчика в остроко-
нечной шляпе звездочета и с говорящей птицей в руках.

Глава 7

Поиски сына

Тома продолжала искать своего сына, отгоняя от себя мысль, которая, словно ржавчина, просачивалась внутрь и покрывала рваными пятнами ее надежду на встречу с Томасом.

Чтобы хоть как-то уйти от тоски, она закрывалась в маленькой мансардной комнатке и под покровом ночи шила платье. Однажды посетившая ее мысль о том, что при встрече с Томасом она должна быть в новом платье, согревала и давала силы жить. Слезы, скатываясь по щекам в свете мерцающих свечей, превращались в коралловые бусы, которые она собирала полные ладони. Этими бусинами Тома вышивала подол платья. Узор сам ложился сюжетом, она отдалась на волю творчества и ровными стежками пришивала бусинку за бусинкой, сплетая их в замысловатые картины.

Когда Тома выплакала почти все слезы, готовая вышивка украшала собой широкий подол платья. Кто-то невидимый, но постоянно присутствующий, тот, кто водил ее рукой, сотворил на платье чудесные сюжетные картины. Вышивка, перекачиваясь по шуршащей тафте, то изображала узкие улочки Венеции, то вдруг являлась горными вершинами, заросшими густым лесом.

А может быть, именно там нужно искать Томаса?

От этой горячей догадки Томины слезы высохли окончательно, и она поднялась – решительная, готовая тут же ехать, идти, бежать, лететь – туда, где ее сын.

Тома надела платье – то, словно живое, обняло ее фигуру – и вышла из дома. Она доберется до ближайшей станции и там сядет на поезд до Венеции – так думала Тома, не осознавая, как далеко от Долины до той самой станции.

Ее воображение уже рисовало картинку, как она сойдет с поезда и сразу же – на перроне – увидит знакомую белокурую макушку. Она окликнет маленькую фигурку, и та обернется к ней ее маленьким сыном.

А потом они вместе отправятся гулять по мостам и улочкам тонущего города, прокатятся по большому каналу. Тома будет в новом платье, и Томас увидит, что его мама самая лучшая и красивая на всем белом свете, и никогда уже не покинет ее.

* * *

Городок в Долине готовился выйти из-под покровы ночи и встретить новый день. Жители досматривали последние сны, иные уже, потягиваясь, сидели в своих постелях, готовые к подъему. Кое-где хозяйки – ранние пташки топили печи, ставили на огонь кофейники и, ворчливо воркуя, тормозили мужей и детей:

– Пора вставать, подъем, дружище...

И целовали своих близких людей.

Молодая женщина в удивительно красивом платье села в поезд и через сутки добралась до конечной станции, там она вышла на перрон, и, вглядываясь в лица детей, тоже сошедших с поезда в сопровождении своей семьи или матери или няньки, прижимала к себе белокурых мальчуганов предшкольного возраста. Глазами впивалась в лицо мальчугана, заглядывала ему в глаза, ворошила волосы и, стремительно прижимая к груди, шептала:

– Ты мой дорогой мальчик, мой Томас! Как же я скучала по тебе.

Напуганные взрослые с трудом отгаскивали своих отпрысков от странной особы, одетой слишком нарядно для обычного городского дня.

Наконец на нее обратил внимание полисмен, сделал попытку с ней объясниться и, не найдя понимания в ее уже ставших безумными глазах, вызвал карету скорой помощи. Рослые санитары с трудом завернули Тому в смирительную рубашку, и машина с красным крестом, сигналив клаксоном просьбу зевакам расступиться, повезла несчастную на окраину города, где в серых неприветливых стенах держали городских психов.

* * *

Януш Крапт, мужчина в расцвете сил, именно в том расцвете, когда первая седина начинает проявляться в бакенбардах, год назад похоронил свою жену.

Жена уходила тяжело, изматывая себя и его непредсказуемыми приступами душевной болезни. Крапт терпеливо сносил все эти состояния больной женщины, но и его терпению пришел конец. И после очередного припадка, закончившегося вскрытием вен, Крапт прямо на руках унес ее в больницу. Лая после лечения притихла, ее безумные глаза словно утонули, покрывшись легкой ледяной корочкой. Однажды ночью, когда он сидел возле ее постели и держал худую руку в своей, Крапт почувствовал, как ледяная корочка потянулась к рукам и ногам Лайи. Судорога, прошедшая через все ее тело, не смогла разломать наступающую изморозь, и, когда явно видимый туман с выдохом вылетел из приоткрытого рта жены, он понял, что она ушла от него навсегда.

Крапт принял смерть жены как-то отстраненно спокойно. После похорон он продолжал приходить в больницу для душевнобольных, сидел возле их постели, когда они после приступа лежали, обессиленные медикаментозной терапией, кормил их с ложки, выносил утки и делал еще кучу всяких мелких участливых дел.

Вот и сегодня вечером Крапт сидел в палате, куда поместили вновь прибывшую женщину. Ее привезли с железнодорожного вокзала, где она металась по перрону, хватала детей и уверяла, что это ее сын.

Тома, а это была она, спала. Вдруг из ее глаз выкатилась слезинка и со стуком упала на пол. Крапт наклонился, поднял маленькую коралловую бусинку и под кроватью обнаружил еще несколько. Сначала он подумал, что бусы отвалились с платья, висевшего на спинке кровати, подол которого украшала вышивка из тех самых бус. Но из-под закрытых век женщины снова показались слезинки и тут же скатились красными шариками. Женщина плакала коралловыми бусами! Это было удивительно, неправдоподобно, странно... Но Крапт наблюдал это собственными глазами. А ведь он не был пациентом больницы.

Глава 8

Тома и Крапт

Тома открыла глаза. Возле кровати на стуле сидел незнакомый ей человек, он смотрел на нее так, словно только и ждал ее пробуждения, чтобы сказать:

– Милая, тебе не место в этих стенах, нам давно пора домой.

И Тома, понимая без слов и принимая на веру его мысли, ответила ясными, без всякого признака безумства глазами:

– Конечно, я так соскучилась по дому.

Крапт был значительно старше Тома, но она приняла эту разницу, как приняла и Крапта. Немногословный и сдержанный, он внушал ей доверие, в котором она так нуждалась.

Душевная близость, возникшая между ними, являла собой полную противоположность отношениям, связывающих Тому с отцом ее пропавшего ребенка. И теперь, сравнивая эти два чувства, она отдавала предпочтение последнему.

Полюбила ли она Крапта? Она не задумывалась об этом, ей было с ним тепло, надежно и доверительно, а что еще нужно для совместного проживания? И когда Крапт предложил ей после выписки из больницы переехать жить в его дом на горной террасе, она согласилась, почти не раздумывая.

Боль разлуки с сыном, разрывающая ржавым кинжалом ее сердце, не прошла, но чуть притупилась.

Еще тогда в больнице, когда она встретила с взглядом Крапта, она почувствовала, как кто-то невидимый заключил ее в объятия и прошептал ей:

– Отпусти, отпусти свое горе. Доверься судьбе, все будет так, как будет.

Так Тома стала хозяйкой в доме Януша Крапта, пасечника южного склона Каштановой горы.

А Крапт полюбил Тому той всеохватывающей любовью, предчувствие и ожидание которой есть в каждом сердце, только не каждое сердце способно вместить это огромное чувство.

* * *

Почти год прошел с тех пор, как Крапт забрал Тому в свой дом. Но она так и не стала его женой.

Вечерами после ужина, когда лососевая полоска заката медленно угасала на горизонте, Крапт зажигал восковые свечи. Он открывал окно, чтобы впустить в дом вечернюю прохладу и звуки надвигающейся ночи. Пламя свечей вздрагивало и изгибалось от проникающего воздушного потока. Оно освещало лица Тома и Крапта, сидевших напротив друг друга, а на стене вырастали огромные тени, молчаливые свидетели отношений двух людей, живущих под одной крышей.

Тома поднималась, принималась убирать тарелки, но Крапт, удерживая ее за руку, молчаливо просил посидеть с ним. Напротив. Он любил смотреть на нее, а Тома смущалась от его взгляда. Ей казалось, что Крапт просит ее о чем-то, она думала, что он хочет близости с ней, но он молчал, а она не решалась переступить порог его спальни.

Не решалась или не хотела? Этот вопрос Тома задавала себе каждый вечер, когда уходила в свою комнату.

Крапт молчал и ни на чем не настаивал, лишь смотрел на нее как-то по-особенному.

Иногда ночью Тома поднималась с постели и подкрадывалась к дверям спальни мужа. Она чуть приоткрывала дверь и слушала его дыхание. Раздумывала, но все же разворачивалась и уходила к себе.

А иногда и сам Крапт так же осторожно заходил в ее спальню и собирал катившиеся из глаз Тома коралловые бусины. Когда во сне Тома плакала, она спала особенно крепко.

Думал ли Крапт о близости с любимой женщиной? Конечно, думал, но она казалась ему такой необыкновенной, чудесной, посланной ему самой судьбой, что он не решался прикоснуться к ней. Он боялся, что осквернит ее плотскими утехами. Ему хотелось любить ее нетронутой любовью, любоваться ею, как дорогой статуэткой, беречь ее, как самую дорогую вещь на свете.

И все же Крапт страдал от невозможности физических ласк. Днем, когда Тома занималась хозяйством, он украдкой заходил в комнату, ложился на ее постель и зарывался лицом в подушки. Он вдыхал запах, оставленный Томой, как самый божественный аромат. Сердце его замирало и падало к чреслам, а те наливались желанием. Крапт скрежетал зубами от злости на самого себя и уходил в горы, возвращаясь домой только к ужину. И бывало даже, что и ночи он проводил в горах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.